# ФОЛЬКЛОРНАЯ ПАМЯТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ ТОНИ МОРРИСОН «ПЕСНЬ СОЛОМОНА»

**Рахимова Нигорахон Обиджоновна**
Начальник отдела международного сотрудничества
Наманганского государственного института
иностранных языков
nrakhimova83@gmail.com
https://doi.org/10.5281/zenodo.23878440

**Аннотация.** В статье рассматривается взаимодействие фольклорной памяти, семейного предания и культурной идентичности в романе Тони Моррисон «Песнь Соломона». На основе мотивного и нарратологического анализа показано, как устная традиция преобразуется из фонового элемента повествования в средство реконструкции родословной и переосмысления индивидуального опыта. Особое внимание уделяется мотивам полёта, имени, песни и возвращения.

**Ключевые слова:** Тони Моррисон; «Песнь Соломона»; фольклор; культурная память; идентичность; устная традиция; мотив полёта.

## Введение

В художественной прозе Тони Моррисон прошлое существует не только в виде архивного свидетельства или семейной хроники. Оно передаётся через устную речь, песни, имена, локальные предания и повторяющиеся символы. В романе «Песнь Соломона» этот способ передачи опыта особенно значим: путь центрального героя связан с постепенным обнаружением смыслов, которые ранее казались ему случайными или непонятными. Поэтому исследование фольклорной памяти позволяет описать не только тематический пласт романа, но и сам механизм построения повествования.

Теоретические основания и методология

Исследование опирается на сравнительно-типологический, мотивный и нарратологический подходы. Под культурной памятью понимается совокупность форм, посредством которых сообщество воспроизводит представления о собственном прошлом. В отличие от индивидуального воспоминания, такая память закрепляется в коллективно узнаваемых знаках и практиках. Концепция коллективной памяти М. Хальбвакса помогает объяснить социальный характер воспоминания, а работы Я. Ассмана — его культурную передачу. Вместе с тем литературный текст не является прямой иллюстрацией теории: он ставит под сомнение устойчивость и однозначность любого воспоминания.

Имя как форма сохранения и утраты истории

Имена персонажей в романе не сводятся к нейтральным обозначениям. Они указывают на историю семьи, на разрыв между официальной записью и живой памятью, на последствия власти над правом называния. Важен сам процесс обнаружения происхождения имени: поиск превращается в попытку восстановить связи между поколениями. В такой перспективе личность складывается не из единственного рассказа

о себе, а из столкновения нескольких версий семейного прошлого. Повествование показывает, что наследуемое имя может одновременно соединять человека с предками и скрывать обстоятельства исторического насилия.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

Песня и устная традиция как носители знания

Детская песня и фрагменты устного предания становятся в произведении своеобразным хранилищем сведений. Их значение раскрывается не сразу: текст предлагает читателю вместе с героем постепенно соотносить услышанное с географией, родством и семейными событиями. Такой приём меняет представление о том, что считать достоверным источником. Песня не заменяет документ, но сохраняет информацию в иной, образной форме. Ритм, повтор и коллективное исполнение поддерживают её существование там, где официальная история оказывается неполной.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

Мотив полёта: свобода и неоднозначность

Мотив полёта соединяет фольклорную образность с вопросом об освобождении. Однако его нельзя понимать как однозначно положительный символ. Полёт может выражать стремление выйти за пределы навязанных обстоятельств, но одновременно ставит вопрос о цене ухода и об ответственности перед оставшимися. Именно эта двойственность делает мотив художественно продуктивным. В романе символ не закреплён за одной моральной оценкой: значение возникает из сопоставления личного желания, семейной истории и коллективной памяти.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

Пространство пути и возвращения

Путешествие героя организует постепенную смену способов восприятия мира. Пространство, прежде воспринимавшееся как внешнее и чужое, начинает читаться как сеть следов семейной истории. Возвращение здесь означает не механическое восстановление утраченного прошлого, а изменение отношения к нему. Поиск корней не приводит к окончательной завершённости: он требует признания сложности и противоречивости наследия. Поэтому роман использует узнаваемую модель пути, но преобразует её в исследование исторической и нравственной самоидентификации.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

Обсуждение результатов

Сопоставление имён, песни, полёта и маршрута героя позволяет выявить общую закономерность. Фольклорный элемент в произведении действует не как декоративная ссылка на традицию, а как механизм распределения знания между персонажами и поколениями. Отдельные мотивы становятся понятными лишь в их взаимосвязи. Этот вывод важен для анализа современной американской прозы: обращение к фольклору не обязательно предполагает возврат к неизменной традиции. Напротив, писатель может использовать её для критического пересмотра исторического опыта и современных представлений о личности.

С точки зрения поэтики данный эпизод необходимо рассматривать в контексте всего повествования, а не изолированно. Значение мотива определяется его расположением в композиции, связью с речью персонажей и изменением читательских ожиданий. Такой подход помогает избежать механического переноса фольклорных схем на современный роман и показывает, каким образом знакомые образы приобретают новое содержание.

Следовательно, интерпретация должна учитывать одновременно формальный и историко-культурный уровни текста. В первом случае важны повтор, смена перспективы и символическая деталь; во втором — отношение персонажей к семейному и коллективному опыту. Их пересечение делает повествование многослойным и позволяет говорить о трансформации традиционных художественных моделей.

**Заключение**

В романе «Песнь Соломона» фольклорная память формирует особую логику поиска идентичности. Имена, песни, предания и мотив полёта раскрывают связи между личной биографией и коллективным прошлым. Моррисон демонстрирует, что культурная идентичность не даётся человеку в готовом виде: она возникает в процессе слушания, сопоставления и интерпретации разных голосов. Перспективным направлением дальнейшего исследования является сравнение способов передачи устной памяти в нескольких романах писательницы.

**Список литературы**

1. Моррисон Т. Песнь Соломона. 1977. (Оригинал: Morrison T. Song of Solomon. New York: Alfred A. Knopf, 1977).
2. Моррисон Т. Возлюбленная. 1987. (Оригинал: Morrison T. Beloved. New York: Alfred A. Knopf, 1987).
3. Пропп В. Я. Морфология сказки. Ленинград: Academia, 1928.
4. Хальбвакс М. Коллективная память / Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Alcan, 1925.
5. Ассман Я. Культурная память / Das kulturelle Gedächtnis. München: C. H. Beck, 1992.
6. Хатчен Л. Поэтика постмодернизма / A Poetics of Postmodernism. New York: Routledge, 1988.